

Мистика реализма

Нынешний художественный мир – традиционалистский или авангардный – чрезмерно личностен. Всякая творческая героика – иконографична. Ведь, в конечном счете, решающими факторами являются не какие-то «живописные» биографические перипетии, а тема, изобретение, то, что отделяет жизнь от искусства и искусство от жизни. Подобные рассуждения навеяны автору этих строк творчеством одного из немногих российских художников, принятых королевскими дворами и аристократическими салонами Европы – Леонида Эфроса.

Сам биографический факт портретирования им английской королевы Елизаветы II, несомненно, сенсационен, особенно, если учитывать его эстетически-отшельнический образ жизни.

Активно работая уже тридцать с лишним лет, некогда петербургский, а ныне – московский живописец и рисовальщик Леонид Эфрос не попал ни в арьергард, ни в авангард художнической иерархии России, что как бы акцентирует его отшельнический статус, дарует ему необходимую “тайную свободу”.

Эфросу всегда хотелось самому раскладывать собственные стилистические пасьянсы, а не подгадывать, как попасть в комбинацию, кем-то до него уже изобретенную.

Его реализм по-своему неоклассичен, хотя и не укладывается в словарные определения, сближаясь скорее с “реализмом” в исконном, то есть теологическом, а не художественно-критическом смысле.

Портрет и парк – эти темы предопределили сквозную символическую структуру его творчества. Темы не то что бы исключительно петербургские, но, во всяком случае, именно в Петербурге достигшие в русском искусстве своего расцвета.

Так, для Эфроса Павловский парк, например, стал тем же очагом вдохновения, неким камертоном, что и гора Сент-Виктуар для Поля Сезанна, иными словами, тем побудительным мотивом, которым поверяется все остальное, идет ли речь о человеческих страстиах или о природном мире. Ассоциация с Сезанном не случайна. В своих медитациях об искусстве Эфрос чаще всего обращается к этому нелюдиму (отшельнику) из Экса. Ему тоже близки сезанновские слова: «Я пришел явить истину в живописи», – слова столь же честолюбивые, сколь и загадочные.

Пейзажи нашего мастера: павловские, царскосельские, петербургские, написанные в постимпрессионистической манере, лишены чрезмерной игривости света и цвета. Они состоят из ровных

сияний, а не из беглых солнечных зайчиков. Они практически всегда безлюдны, либо служат фоном для портрета.

Парк как ностальгический «элизиум теней» для русской, в особенности петербургской, поэзии - мотив привычный и почти что домашний. Кажется естественным, что Анна Ахматова, прошедшая сквозь роковые исторические рубежи, писала о своих царскосельских элегиях о «лучах скудеющего света», «царстве тени», «неживой воде». В ее времена, казалось бы, угасшее великолепие природных парков Петербурга и невозможно было воспринимать иначе. Этот вездесущий оттенок потусторонности характерен для, условно говоря, парковой живописи Эфроса.

Наш мастер стремится обратить каждое свое произведение в притчу об Искусстве, - причем, не пускаясь в витиевато-эмблематическое красноречие, а лишь ограничиваясь резкими значащими деталями. Особенно это заметно в портретах, написанных художником.

Так в «Портрете мужчины на фоне «Черного квадрата» К.Малевича» он воспроизводит знаменитую, олицетворяющую формальные открытия искусства XX века картину, которая тоже воплощает собою некое пограничье, «Зазеркалье» магического сада ночного первозданного хаоса. Личность портретируемого очерчена здесь энергично и концентрированно, однако служит лишь выразительным вступлением. Подводит зрителя к образу таинственного окна «черного квадрата», в который неизбежно обращается всякое истовое художественное усилие, каким бы внешне подобным натура оно ни являлось.

Среди созданной Леонидом Эфросом портретной галереи выделяются не только образы личностей исторически значимых, коронованных и титулованных особ, но и модели, созвучные представлению художника о человеке гармоничном, самодостаточном как по выразительности внешних черт, так и по духовной цельности. Он пишет людей и всемирно известных и знакомых лишь узкому кругу его немногочисленных друзей и единомышленников.

Судьба свела его и с представителями высшего света, и светочами культуры. К нему благосклонно отнеслись и королева Великобритании Елизавета II которая позировала художнику и обращалась с ним, и выдающийся итальянский кинорежиссер Федерико Феллини, и гениальный скрипач Иегуди Менухин... Его волшебная кисть удовлетворяет самые разные вкусы, вместе с тем, живописец не изменяет своим нравственным и творческим принципам. Его герои разные и в иерархическом, социальном плане, и по характерам, по своим взглядам. И художник находит для

каждой из своих моделей неповторимую эмоциональную интонацию, изобразительную стилистику, живописную аранжировку. В одном портрете мы видим салонную изысканность и легкость, в другом – торжественную, почти ритуальную, возвышенную парадность. Леонид Эфрос чутко реагирует на состояние своих героев и тонко передает только им присущие душевые качества. При этом мастер подчеркивает свое отношение к личности портретируемого, собственный ракурс, далекий от предвзятости, независимый от чьих-то чужих мнений. Так портрет Елизаветы П подобен геральдическому символу монархии и одновременно отмечен эмоциональной многогранностью личности королевы. А в портрете Иегуди Менухина, в натурных карандашных зарисовках на первый план выступает особая чувственность, возвышенная одухотворенность образа гениального музыканта. Естественно, сама личность портретируемого требует избирательности подхода, диктует определенные условия изображения, стилистику, что, отнюдь, не сковывает художника, а, напротив, позволяет ему проявить свою виртуозность, многогранность, профессиональный такт.

Особое место в творчестве Леонида Эфроса занимают образы людей, с которыми он давно знаком, с которыми часто общается. Конечно, большей частью это творческие натуры, личности, нередко, противоречивые и самоуглубленные.

Композиции мастера всегда многодельны и многомерны. Каждый человек, портрет которого Эфрос берется писать, для него персона значимая, неординарная, независимо от «табели о рангах». Попав в «раму», модель обретает частицу царственной харизмы, и это хорошо понимает художник. Но, зная о таком преображении своих персонажей, мастер, в зависимости от творческой задачи, нередко освобождает их от подобного ореола, открывая зрителю истинный характер модели. Например, портрет Долорес Запашной написан им в нарочито яркой, эксцентричной манере, что по ощущению автора соответствует ее натуре и профессиональному амплуа. А портрет Феликса Кафилевича отмечен иным настроением, выполнен в иной манере, сохраняет самосозерцательную отрешенность, присущую кабинетному мыслителю.

В работах Леонида Эфроса его герои предстают не столько погруженными в собственную биографию, сколько сконцентрированными на том моменте, когда личность становится образом, перейдя магический рубеж рамы.

Наш мастер любит как бы разыгрывать сюжет с Дорианом Греем наоборот, не от светского лоска к хаосу бренности, но от бренной бытовой повседневности к высшим формам гармонии.

Будучи реалистом, - еще раз подчеркнем, скорее мистического, нежели натуралистически-описательного толка, но все же реалистом – Леонид Эфрос вряд ли полагает, что красота может спасти мир.

Но он несомненно убежден, что она, красота, в состоянии, по крайней мере, изъяснить его. Для чего и создает свои неоклассические портреты.

Михаил Соколов